

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОРЯДКА ВАЛЬТЕРА ОЙКЕНА

Социальные вопросы в политике порядков

Одна из главных задач «Основных принципов экономической политики» В. Ойкена (1950) (по утверждению самого автора) состояла в том, чтобы показать, что социальную политику не следует рассматривать как бесплатное приложение ко всей остальной экономической политике. Она должна быть прежде всего политикой экономического порядка. Независимо от того, идет ли речь о денежной, кредитной, валютной либо картельной политике, о положении рабочего на рынке труда, на предприятии или о его семейных делах, неизменно существует интерденденция экономической политики, что постоянно затрагивает интересы рабочих. По мысли Ойкена, нет ничего, что не было бы важно в социальном плане. Нет никаких мер экономической политики, которые бы одновременно (прямо или косвенно) не влекли за собой социальных последствий и не имели социального значения. Тот, кто хочет представлять социальные интересы, должен в силу этого уделять внимание в первую очередь формированию общего порядка. Необходимо попытаться с помощью общей политики порядков препятствовать возникновению социальных проблем¹.

Ойкен рассматривает феномен социальной политики значительно шире, чем его принято трактовать на обыденном уровне. Увеличить заработную плату, предотвратить несчастные случаи на производстве или создать благотворительные организации — все это, несомненно, важно, но этого еще недостаточно для реализации полноценной социальной политики. Такой подход к решению социальных проблем — дело прошлого. Но не потому, что задачи социальной политики в прежнем смысле слова стали несущественными. Эти задачи в высшей степени актуальны и должны наряду с другими стать определяющим фактором нового экономического мышления — мышления категориями экономического порядка.

Существует известное недопонимание в трактовке понятий «экономическая политика» и «социальная политика». Часто их рассматривают независимо друг от друга, часто социальную политику заменяют термином «социально-экономическая политика». И первое, и второе недостаточно точно раскрывает смысл обоих политик. И с этим часто связаны просчеты в решении социальных проблем общества, недостатки экономической политики государства, компании и пр.²

Ойкен подходит к идее экономической политики, трактуя ее как политику, ориентированную на решение социальных вопросов, политику, включающую в себя неизбежную социальную компоненту. И то, что часто обозначается в его работах как экономическое, имманентно включает социальный контекст. Обратимся к фрагменту теоретической дискуссии, которую Ойкен приводит в качестве приложения к работе.

«Слово “порядок” используется в двояком смысле. Под “экономическим порядком” мы понимаем конкретный, позитивно заданный факт. Он представляет собой совокупность реализованных форм, в которых в каждом случае *in concrete* протекает повседневный экономический процесс. Так, в Германии существовал экономический порядок 1945 или 1900 г. либо порядок какой-либо другой экономической эпохи. Мы исследуем прежде всего экономические порядки XIX и XX вв., которые отличались своим разнообразием и которые быстро сменяли друг друга. Они были и зачастую продолжают оставаться нецелесообразными. В их рамках повседневный экономический процесс нередко оказывается неравновесным. Или порядки являются несправедливыми и над свободой в них нависает опасность. Анализ этих порядков — основа политики порядков. Мы обязаны рассматривать их как факты и вскрывать взаимосвязи этих фактов.

“Порядок” имеет еще одно значение, а именно — порядок, который соответствует существу человека и дела. Это означает порядок, в котором доминируют мера вещей и равновесие. Еще античная философия использовала такое понимание порядка. Она искала в разнообразии вещей скрытый план структурного формирования мира. В средние века была четко обрисована эта идея порядка, которая оказала решающее влияние на формирование всей средневековой культуры. Она означает

рациональное соединение всех разнообразных вещей и явлений в единое целое.

Прежде всего во времена оказавшихся несостоятельными или несправедливых позитивных порядков эта идея порядка бытия, естественного порядка или порядка вообще (ордо) регулярно приобретает большую силу. Толчок тому дает абсурдность конкретных обязательств. Ищут такой порядок, который в отличие от заданных порядков соответствует здравому смыслу или природе человека и вещей. В один из таких бедственных периодов, например на стыке IV и V вв., эту идею, обладавшую большим влиянием, развил Августин. В XVII и XVIII вв. естественный порядок (*ordre nature!*) противопоставлялся позитивному порядку (*ordre positif*). И вновь это оказывало сильное воздействие, например, в сфере формирования права, государства и экономической политики. Сегодня эта идея опять живет в силу насущной необходимости найти для индустриализированной экономики недостающий функционирующий и достойный человека экономический, общественный, правовой и государственный порядки. Если формулировки этого понятия и менялись в ходе развития европейской истории, то намерение создать такое понятие остается прежним или схожим с ним.

Оба понятия, безусловно, необходимы: порядки как индивидуальные, меняющиеся исторические факты и порядок как порядок вообще (ордо). Это различие понятий так старо потому, что оно почти неизбежно возникает в столкновении с конкретной действительностью. Человек хочет знать, каковы конкретные порядки, и он ищет лучший порядок. Но оба понятия контрастируют между собой: конкретные неудовлетворяющие порядки, в условиях которых фактически люди живут, и пригодный справедливый порядок.

Мы разграничиваем эти понятия, отделяя конкретные “экономические порядки” от стремления к “порядку в экономике”³.

Основываясь на высказанных положениях, Ойкен рассматривает политику экономического порядка как социальную.

Первый вопрос, которым задается автор, это вопрос о материальном обеспечении членов общества. «Снабжение членов общества, — пишет он, — а тем самым и рабочих, пенсионеров и прочих практически полностью зависимых в социальном отношении

лиц, обуславливается прежде всего работоспособностью всего производственного аппарата. Самая лучшая социальная политика не может дать никаких удовлетворительных результатов, если производительность труда человека невелика, Создание функционирующей системы регулирования экономического порядка, базирующегося на разделении труда, является в силу этого важнейшей предпосылкой решения всех социальных проблем»⁴.

В условиях конкурентной экономики это означает, прежде всего, реализацию ее основного принципа, а именно создание функционирующего механизма цен полной конкуренции. Каждое домашнее хозяйство и каждое предприятие в состоянии проводить точный экономический расчет, действовать в собственных интересах в строгом соответствии с принципом издержек, т.е. как заставляет поступать конкуренция. Но экономическая производительность и благосостояние людей в большой степени зависят также и от реализации других конституирующих и регулирующих принципов. Например, если нестабильная денежная система или денежная политика порождает инфляцию или дефляцию, то это не только искажает структуру цен, фальсифицирует балансы и делает невозможным правильный экономический расчет, но и парализует хозяйственную инициативу и волю к расширению масштабов хозяйственной деятельности; закрытые рынки уменьшают способность конкуренции побуждать к активизации хозяйственной деятельности, ограничивают отбор наиболее способных агентов и т.д.

Но какой прогрессивной и продуманной не была бы экономическая политика порядков, она прежде всего должна учитывать реальное положение дел в обществе: «Словно в фокусе, все мероприятия политики порядков сходятся в вопросе об их воздействии на работоспособность производственного аппарата. Следовательно, если правильно то положение, согласно которому можно распределять только то, что было до этого произведено, то первый вопрос всех социальных реформаторов должен быть адресован экономическому порядку, имеющему наивысший показатель экономической эффективности. Только в качестве дополнения к этому можно ставить другие вопросы. Если в рамках созданного того или иного порядка все люди одинаково голодают, то это не является решением проблемы ни справедливого распределения, ни безопасности, ни какой-либо другой формы проявления соци-

ального вопроса. Она не будет решена и в том случае, если станут предприниматься попытки сделать это влияние плохого порядка приемлемым путем этического приукрашивания его и широкой апелляции к общим интересам всех людей»⁵.

Так, за много лет до проведения экономических реформ в России, Ойкен писал о проявлении необходимой осторожности в этом процессе.

Особое внимание при рассмотрении вопросов социальной политики Ойкен уделяет социальной обеспеченности населения. «Потребность в обеспеченности является универсальной проблемой, — пишет он. — Каждая эпоха обладала своей формой необеспеченности и неуверенности. Однако сегодня потребность в обеспеченности выросла в такой степени, какой не знала вся прежняя история человечества»⁶.

В современном мире, покоящемся на разделении труда, отдельно взятый человек должен опасаться не только экономической нужды, но и утраты своих возможностей как личности. Человек вынужден считаться с тем, что по причинам, которые не обязательно следует искать в нем самом, он может быть исключен из социальной кооперации и оказаться на границе общественных условий существования. Это означает не только угрозу экономическому существованию, но и, что также или даже более тяжело, невостребованность его сил, ограничение возможностей его развития и незаслуженное унижение чувства собственного достоинства. С другой стороны, человеку грозит опасность потерять свободу. Ойкен указывает, что эта опасность присутствует не только в тоталитарных государствах, но и вообще в любом государстве. Эта вторая опасность применительно к первой опасности — массовой безработице — зачастую осознается не в полном объеме, хотя события XX столетия определенно показали, насколько эта опасность актуальна⁷.

Социальная справедливость в системе порядков В. Ойкена

Один из вечных вопросов, беспокоящих как общество в целом, так и отдельного индивида — это вопрос социальной справедливости.

Социальная справедливость — один из основных принципов социальной политики, наряду с правом на труд, достойное вознаграждение, ответственностью человека за свое материаль-

ное положение и т.д. В широком смысле слова справедливость представляет собой разумность общественной жизни. Справедливость — это соответствие происходящего общепринятым нормам, правилам и традициям; это воздаяние за содеянное, воздаяние по заслугам: согрешил — наказан, совершил благое дело — вознагражден, а не наоборот⁸.

В специальном, узком, смысле справедливость есть нравственно санкционированная размеренность в распределении выгод и тягот совместной жизни людей⁹. В повседневном массовом сознании, с укорененными в нем уравнительными идеями, справедливость обычно тесно связана с представлением о равенстве. Однако эти ценности в реальной жизни трудно совместимы. Лишь авторам социальных утопий удавалось изобразить общество, которое устроено так, что все люди равны и одновременно благоденствуют. В реальной истории стремление насадить равенство оборачивалось «равенством в нищете».

«Социальная справедливость» — понятие, применяемое для обозначения институционального измерения справедливости — нравственность в ее проекции на социальную сферу. О социальной справедливости говорят, как об основной добродетели социальных институтов. Идеалом социальной справедливости является такая система общественных институтов, которая не в единичных действиях, а по самой своей структуре, а значит постоянно, обеспечивает справедливое распределение социально-политических прав и материальных благ. Разнообразие подходов к проблеме справедливости определяется ценностными приоритетами общей концепции справедливости, которая может пониматься преимущественно как: 1) равенство; 2) пропорциональность заслугам или же 3) гарантии неотъемлемых прав на обладание чем-либо¹⁰.

Однако проблема распределения не является исключительным атрибутом феномена справедливости. Идея равенства, равного распределения характерна для концепций ревизионистского либерализма и радикального эгалитаризма. Ревизионистский либерализм (его родоначальники Д. Дьюи и Л.Т. Хобхауз) в отличие от классического либерализма исходит из невозможности действительного легально-политического равенства и равноправия вне эгалитарных мероприятий в социальной сфере.

За пределами эгалитаризма — справедливость может выражаться в терминах свободы выбора, свободы предпринимательства, конкурентной борьбы. Человек должен быть свободен в своих действиях (в пределах законности, естественно), и именно это справедливо.

Каково же место социальной справедливости в системе порядков Ойкена? «Достижение социальной справедливости, — полагал Ойкен, — следует искать на путях создания совокупного функционирующего порядка, и прежде всего на путях подчинения процесса образования доходов строгим правилам конкуренции, риска и ответственности. Не следует искать ее в ликвидации частной собственности. Нужно усвоить, что частная собственность *может* приводить к сбоям, коллективная собственность *должна* приводить к ним. Все решения, нацеленные на огосударствление собственности и централизованное регулирование, уменьшают стимулы к производительному труду, ухудшают расчеты издержек и делают неизбежной бюрократизацию хозяйственного управления. Снижение производительности труда, ухудшение снабжения и ограничение свободы — вот та цена, которую приходится платить за каждую попытку отойти от конкурентной экономики, причем не остается никакой надежды на то, что будет обеспечено более справедливое распределение социального продукта»¹¹.

Позиция Ойкена раскрывается в следующих положениях.

В последние десятилетия задача достижения социальной справедливости вновь обратила на себя внимание мыслящих людей и побудила их усомниться в существующем порядке. Однако надежду, овладевшую накануне Первой мировой войны умами представителей широкой общественности, на то, что эту проблему можно разрешить путем введения государственного управления экономикой и обобществления собственности, разрушил накопленный за это время опыт. Приходится возвращаться к более свободным формам порядка. Это — поворот, совершить который, впрочем, многие еще не решаются.

Формирование меновых процессов зависит от экономического развития общества в целом, в силу чего и осуществление социальной справедливости зависит не только от реализации основного принципа конкурентной экономики, но и от использования

всех конституирующих и регулирующих принципов. Независимо от того, будут ли вкладчики лишены собственности в результате обесценения денег, а продавцы, покупатели и рабочие в результате закрытия рынков лишатся возможности получать доходы или будут поставлены в одностороннюю зависимость от определенных условий, независимо от того, будет ли из-за злоупотребления свободой заключать договоры ограничена свобода других заключать договоры или будет ли переложен риск на одну из сторон в договоре в результате ограничения ответственности, подобного рода манипуляции одновременно парализуют также и справедливый обмен результатами хозяйственной деятельности¹².

Разница в уровнях доходов существует во всех экономических системах. В централизованно управляемой экономике руководящий аппарат бывает вынужден использовать сдельную заработную плату в качестве стимула, причем он прибегает как к сверхпропорциональному повышению или снижению заработной платы, так и к особым премиям и штрафам, чтобы добиться хороших результатов или избежать плохих. Это приводит к дифференциации в уровнях доходов работающего населения, которая намного больше, чем в странах с рыночной экономикой. Существование этой разницы следует объяснять функционированием системы централизованных оценок, и она вряд ли соответствует реальному вкладу каждого отдельно взятого работника в социальный продукт. Однако еще большие различия должны были бы возникнуть между доходами трудящихся и доходами руководящего слоя. Эти различия, считает Ойкен, ничуть не меньше, если не больше, чем в странах с экономическим порядком рыночного типа и частной собственностью. Разница в уровнях доходов в централизованно управляемой экономике отчасти объясняется психологией достижений и тем, что руководящий слой должен быть заинтересован в существующей системе порядка. Это дает основание, по меньшей мере, предполагать наличие эксплуатации в пользу руководящего слоя.

Разница в уровнях доходов в рамках рыночной экономики объясняется частично различными результатами хозяйственной деятельности, идущими на удовлетворение потребностей населения, частично монополистическими или иными властными позициями на отдельных рынках. С вопросами справедливости

в экономическом смысле распределение доходов в рыночном хозяйстве сталкивается только в том случае, когда уровень доходов определяют исходя не из пропорций ограниченности, а из властных позиций, занимаемых на рынке. Появление в последнее столетие широко известных крупных состояний также объясняется не столько получением доходов от владения имуществом, сколько теми прочными властными позициями, которые занимали на рынке Рокфеллер, Карнеги и другие.

Ф.А. Хайек: рыночное распределение благ и иллюзия справедливости

Позиция в отношении социальной справедливости в политике социальных порядков Ойкена во многом пересекается с подходом Ф.А. Хайека, который, как известно, был активным участником дискуссии по вопросу о перераспределительном налогообложении как средстве достижения социальной справедливости.

Для Хайека, в условиях рыночной экономики понятие распределительной (которую он трактует как социальную) справедливости лишено смысла. Оно может иметь какой-то реальный смысл только в условиях централизованной экономики, когда органы политической и экономической власти определяют долю совокупных благ, причитающуюся каждому члену общества. Экономист считает, что широко развернувшееся в последнее столетие движение к иллюзии «социальной справедливости» может привести к постепенному формированию в западных странах системы «холодного социализма». Такой социализм, конечно, отличается от социализма советского образца (в терминологии Хайека «горячий социализм»), однако и он несет в себе очень серьезные угрозы для фундаментальных ценностей западной цивилизации, прежде всего для свободы.

Хайек — принципиальный противник патерналистского государства, которое просматривается во всех моделях «государства всеобщего благосостояния». Стремление к такому государству приводит к неизбежным сдвигам в психологии людей, поскольку они приучаются и реально привыкают пользоваться теми сомнительными благами, которыми их одаряет «государство благосостояния». Привычка к зависимости от государства, ослабление личных предприимчивости и ответственности за свою судьбу

могут подталкивать людей к требованиям дальнейших изменений политических институтов общества в сторону социализма. Этот путь является «дорогой к рабству», что Хайек показал в с своей знаменитой книге с таким названием.

Неприятие этим известным экономистом идеи социальной справедливости объясняется не только его последовательными антитоталитарными убеждениями. Оно имеет и более глубокие социально-философские и экономические основания.

Коллективистская теория общества, которой Хайек противопоставляет свою позицию, берет начало от социального учения Платона. С тех пор она из века в век совершает одну и ту же серьезную ошибку, рассматривая социальные институты как сущности, бытие которых не зависит от бытия индивидов. Последствия этой ошибки, глубоко укорененной и в повседневном сознании, обнаруживают себя в том, что общество и государство воспринимаются в качестве неких могущественных сверхъестественных сил, довлеющих над нашим индивидуальным существованием. Человек привыкает к сознанию своего бессилия и начинает верить в то, что только лишь социально-политическая система способна обустроить должным образом его частное существование. Все это и создает предпосылки внедрения в умы идей распределительной справедливости, которые реализуются как социалистическом варианте, так и в форме государства всеобщего благосостояния.

Идеология и методология индивидуализма, которые, согласно Хайеку, должны дать интеллектуальный ответ такой коллективистской традиции, также имеют глубокие идейные корни, но в ясном виде сформировались довольно поздно. Ученый формулирует суть индивидуализма в следующих словах: «Нет другого пути к объяснению социальных феноменов, кроме как через наше понимание индивидуальных действий, обращенных на других людей и исходящих из их ожидаемого поведения»¹³. Вместе с тем индивидуализм не подразумевает постулирования того, что социальный мир состоит только из «атомизированных» и «эгоистичных» индивидов. Понимание общества как сложнейшего из феноменов жизненного мира возможно только через аналитическое расчленение его на многочисленные составляющие, где предельной единицей является индивид. В этом отношении роль методологического индивидуализма отчасти схожа с той соци-

альной ролью, которую выполняла наука в эпоху Просвещения (освобождение человека от предрассудков). Подобно тому как в XVIII в. объектом просветительской критики была, к примеру, слепая вера в религиозные институты, в XX в. таким объектом стал социальный инфантилизм граждан и соответственно патернализм со стороны государства.

Однако и сам индивидуализм неоднороден. В своих работах Хайек противопоставляет «подлинный» и «ложный» варианты индивидуализма. Первый, принципы которого защищает и развивает он сам, связан с традицией британского либерального индивидуализма Б. Мандевиля, Д. Юма и А. Смита. Второй восходит к французской рационалистической мысли, идущей от Декарта. В учениях Ж.-Ж. Руссо, А. Сен-Симона этот индивидуализм превратился в социальный конструктивизм и оброс пагубными коллективистскими и социалистическими идеями.

Хайек показывает, что это расхождение приводит к принципиально разному пониманию социальной реальности. При первом подходе социальные нормы и институты понимаются как незапланированные социальные изобретения, «спонтанные порядки», при втором — как «сознательные порядки», которые рождены разумом человека и, функционируя по заранее выработанным планам, направлены на достижение ясно различимых целей.

Специфика «спонтанных порядков» состоит в том, что они не являются чьим-то изобретением, воплощением чьего-то замысла. Они образуются эволюционным путем как непреднамеренный, бессознательный результат сознательных действий множества людей, преследующих свои частные цели. В этом смысле спонтанный порядок можно назвать продуктом человеческого действия, но не продуктом человеческого разума¹⁴. Наиболее ценные социальные и экономические институты, включая рынок, права собственности и деньги, все это примеры таких самоорганизующихся спонтанных порядков. Координация в них достигается не вследствие подчинения некоей общей цели, а за счет соблюдения универсальных правил поведения. К упорядоченности приходят не управлением из центра, а регулярностью во взаимоотношениях между составными элементами структуры.

Поэтому, по мнению Хайека, «конфликт между сторонниками (с одной стороны) спонтанного расширенного порядка,

создаваемого рыночной конкуренцией, и теми (с другой стороны), кто выступает за сознательную организацию человеческих взаимоотношений центральной властью, опирающейся на коллективное распоряжение имеющимися ресурсами, вытекает из фактической ошибки последних в понимании того, как возникают и используются знания об этих ресурсах»¹⁵. Суть этого конфликта заключается не просто в расхождении в интересах или ценностных установках; этот конфликт касается фактического вопроса и может быть разрешен при помощи научного анализа. «Научный же анализ, — полагает Хайек, — показывает то, что, следуя спонтанно складывающимся нравственным традициям, лежащим в основе конкурентного рыночного порядка (а эти традиции не удовлетворяют канонам и нормам рационализма, принятым у большинства социалистов), мы производим и накапливаем больше знаний и богатства, чем возможно добыть и использовать в централизованно управляемой экономике, приверженцы коей претендуют на строгое следование разуму»¹⁶.

Такое понимание рынка и других социальных институтов определяет взгляды Хайека на проблемы распределения благ, неравенства и справедливости в обществе. Он доказывает, что рынок создает условия, при которых функциональная дифференциация среди членов общества происходит спонтанно и естественно, без вмешательства сверху. Люди в результате занимают те места, которые соответствуют их способностям. Разумеется, это приводит к возникновению имущественного и социального неравенств, однако последнее уравнивается формальным равенством всех граждан перед законом, что также является частью расширенного порядка.

Таким образом, мы видим, что крупнейшие немецкие экономисты В. Ойкен и Ф.А. Хайек в своей трактовке социальной справедливости во многом совпадают, но в чем-то и расходятся, однако общим для них является осознание важной роли социальной политики в решении проблем стабилизации общественной жизни.

Примечания

¹ См.: Ойкен В. Основные принципы экономической политики. М., 1995. С. 404.

- ² См.: Сидорина Т.Ю. Два века социальной политики. М., 2005.
- ³ Ойкен В. Указ соч. С. 468.
- ⁴ Там же. С. 405.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же. С. 408.
- ⁷ Там же. С. 409.
- ⁸ См.: Сидорина Т.Ю. Указ соч. Гл. 8.
- ⁹ См.: Гусейнов А.А. Справедливость // Философия: Энциклопедический словарь. М., 2004. С. 816–817.
- ¹⁰ См.: Прокофьев А.В. Социальная справедливость // Там же. С. 818.
- ¹¹ Ойкен В. Основные принципы экономической политики. М., 1995. С. 406.
- ¹² См.: Там же.
- ¹³ Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. М., 2000. С. 27.
- ¹⁴ См.: Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992. С. 15.
- ¹⁵ Там же. С. 17.
- ¹⁶ Там же.